

ДК 32:33 (479.2)

ББК 66+65

Д 441

Д 441

Диаспора, нефть и розы. Чем живут страны Южного Кавказа. - Ереван, Фонд Генриха Бёлля и Кавказский институт СМИ, 2005. - 214 с.

Издание представляет собой русскую версию сборника статей о внутривосточном развитии стран Южного Кавказа, опубликованного в Германии в 2005 году Фондом Генриха Бёлля. Русское издание подготовлено совместными усилиями представительства Фонда Генриха Бёлля на Кавказе и Кавказского института СМИ. Авторы статей - ученые из Азербайджана, Армении и Грузии. Среди тем сборника - безопасность, выборы, СМИ, нациестроительство, экономика, коррупция, гендерные проблемы.

Редакторы Ивлиан Хаиндрава, Александр Искандарян

Художественный редактор Нина Искандарян

Дизайн обложки студии Matit www.matit.am

Макет студии "Коллаж"

Фото на обложке: студия Patker

ББК 66+65

Diaspora, Oil and Roses. What makes the countries of the South Caucasus tick. - Yerevan, Heinrich Böll Stiftung and Caucasus Media Institute, 2005. - 214 p.

Editors Ivlian Haindrava, Alexander Iskandaryan

Literary editor Nina Iskandarian

Cover design by Matit www.matit.am

Layout by Collage Ltd.

Cover photo by Patker

ISBN 99930-78-74-3

© Фонд Г. Бёлля, КИСМИ, 2005

© 2005 Heinrich Böll Stiftung and Caucasus Media Institute

Немецкое издание: Diaspora, Öl und Rosen. Zur innenpolitischen Entwicklung in Armenien, Aserbaidschan und Georgien. Heinrich-Böll-Stiftung, 2005. ISBN: 3-927760-48-X.

Давид Бердзенишвили

ГЛАВНАЯ ВНУТРЕННЯЯ ПРОБЛЕМА ГРУЗИИ

Собранность нации и государства - непрерывный процесс; учредить её одноразовым актом невозможно. Единое восприятие истории - недостаточное условие единства нации; для её достижения нужна также социальная солидарность, которая технологически обеспечивается обществом и государством. Нация - это, прежде всего, духовный феномен, а не простая физическая общность людей. Единственный модус существования духовного феномена, как говорил Мераб Мамардашвили - быть в состоянии постоянного рождения, т.е. это - ежедневный плебисцит. Выпадение из этого процесса вызывает ослабление общности или же полный распад.

Коллективная, солидарная ответственность за содеянное, чувство вины и её осмысление - необходимый компонент собирания нации и её жизнеспособности. Переживание недавнего прошлого и сегодняшнего дня - болезненный процесс нравственного очищения. Мы - грузины - и палачи, и жертвы одновременно. На нас лежит наша доля ответственности за большевистское мракобесие. Мы взрастили Сталина, Берия и многих других; мы приняли Советскую Грузию; движение сопротивления у нас отсутствовало - в европейской части СССР мы в этом плане были среди аутсайдеров; четыреста тысяч из нас всего пятнадцать лет тому назад состояли членами Коммунистической партии: даже в 1989-90 г.г. лишь очень немногие посмели покинуть уже одряхлевшую компартию. Мы и сегодня не обременяем себя мыслями о том, что членство в компартии было моральным компромиссом. Мы превратили коррупцию в образ жизни. В Грузии, как нигде более, процветала советская профанация "государства всеобщего благосостояния". Скудные, но гарантированные зарплаты и плотно прикрытые государством глаза на нелегальные доходы делали советское государство родным не только для партийно-бюрократической номенклатуры, но и для среднего советского слоя. Мы, грузины, были высокомерны по отношению к абхазам и национальным меньшинствам. У нас было сознание советского вассала - радовались, когда при поддержке московского хозяина могли обращаться с абхазами, как с крепостными; ворчали, когда хозяин отказывал нам в этом "праве".

Наша интеллектуальная элита, за малым исключением, была частью советской системы; другие же - антикоммунисты - ни в грош

не ставили демократические ценности (эти - за ещё более редким исключением). Носителей идей личной и национальной свободы, для которых Советская Грузия никогда не стала родной, было немного; со своими либеральными идеалами, демократическими ценностями и совестью они были как бы лишними в обществе поголовного конформизма.

Получив возможность и право избирать, мы ограничились родиной выбором между Гамсахурдиа и Шеварднадзе, не выйдя за границы двух негодных моделей постсоветской Грузии. На протяжении 13-летней независимости грузинская политическая протоэлита стала свидетелем и участником последовательного вытеснения нравственности из политики. Такие правила политической игры установили власти, а для большинства граждан страны это оказалось естественным и приемлемым. Тезис о том, что "политика - грязная игра", стал непреложной данностью.

Конечно, много мы делали и хорошего - потому и существуем как нация, перед которой, впрочем, в полный рост стоит проблема собранности (мы вовсе не исключение; если кто не ощущает схожих проблем, тем хуже для него).

На рубеже 80-90-х г.г. грузины, поддерживая патриарха грузинского этнонационализма Звиада Гамсахурдиа, из нескольких возможных путей постсоветского развития избрали "дорогу в никуда". Вместо того, чтобы от пестрой Грузии идти к плюралистическому обществу, грузины подхватили лозунги типа: "Грузия для грузин", "Да здравствует христианская (православная) Грузия", чем сами же содействовали такому углублению отчуждения как с абхазами, так и с этническими и религиозными меньшинствами, что страна по сей день балансирует на грани дезинтеграции. За десять лет своего правления Шеварднадзе не решил ни одной из многочисленных внутриполитических проблем, в лучшем случае загоняя их внутрь, а в худшем - лишь усугубляя. На сегодняшний день **грузины - несобранная нация, а Грузия стоит перед реальной угрозой пополнить ряды несостоявшихся государств** (failed state).

Велика отчужденность между народом и государством. Большинство граждан не воспринимает Грузию как собственное государство; в этом значительную роль играет и социальный фактор. В независимой Грузии бывшее советское среднее сословие (т.е. большинство населения) потеряло относительное благосостояние коммунистического периода. Соответственно, новое государство воспринимается лишь как орудие ограбления и обнищания народа. Своим государ-

ством считает Грузию только политико-бюрократический истеблишмент и его попутчики; для них оно является механизмом защиты собственных экономических интересов. Позиции времен советской эпохи сохранили носители идей свободы; но легализация грузинского флага и появление собственного цвета на карте мира не смогли превратить сегодняшнюю Грузию в их государство (говорю о *государстве*, а не о *родине*).

Советское государство было и хозяином, и карателем. А сегодняшнее постсоветское государство держит в руках только кнут. Чувство солидарности увядает, ещё не распустившись не только среди отдельных групп населения, но и на уровне индивидов: слабеет родственно-дружеская связь, другие традиционные формы отношений. Отсутствие сопереживания общности вышло на уровень регионов и субэтносов.

В ходе развала Советского Союза в Грузинской ССР шел не только процесс отмежевания Тбилиси от Москвы, но и проявилась тенденция дистанцирования сухумского и цхинвальского (а затем - и батумского) региональных центров от Тбилиси. Пестрая и конгломератная советская Грузия фактически по частям выясняла отношения с ослабленным, но ещё имеющим достаточную силу Кремлем. А последний закладывал основу новым формам их патронажа, исходя из опыта советского феодализма, когда Москва контролировала как самого вассала, так и вассала своего вассала. Проблемы, законсервированные в советский период, полностью проявились после снятия режима консервации. Конфликты в Абхазии и в Южной Осетии подтверждают, что единство советской Грузии было эфемерным.

Грузинская нация и грузинская номенклатура рассматривали советскую Грузию как административно-территориальную единицу этнических грузин. Они считали себя добрыми хозяевами, воспринимая как неблагодарность претензии на равноправие и уважение со стороны "гостей", т.е. - других этнических групп. Грузинская советская историография создавала идеологию "толерантности" на грузинский лад: никому не мешаем жить на нашей исторической территории, но не потерпим притязаний на нашу землю пришлых в разные времена. Разжигателем грузино-осетинского и грузино-абхазского конфликтов считали только третью силу - Кремль, который наказал Грузию за стремление к независимости. Такой упрощенный стереотип помешал грузинской постсоветской протоэлите в глубоком осмыслении реальных основ отчуждения с абхазами и этничес-

кими меньшинствами. Формулу Андрея Сахарова - "Грузия - малая империя" - хоть и с сожалением, но ему же самому зачли в проявление имперского мышления. И совсем непонятными были для большинства грузин слова Мераба Мамардашвили: "Если Грузия выберет президентом Гамсахурдиа, я пойду против своего народа".

Впрочем, процесс формирования образа "источника всех бед" не менее интенсивно шел и по другую сторону "полосы отчуждения". С целью технологического обеспечения дистанцирования от Тбилиси, ещё при правлении Горбачева в Абхазской АССР создали антигрузинскую абхазскую этническую организацию "Айдгылара", именованную также "Движением за перестройку". Её партнером стала организация армян Абхазии "Крунк". В это же время в Южно-Осетинской АО сформировался осетинский националистический вариант народного фронта "Адамон Ныхас". Фрагментарные контакты с ними грузинских демократических политических сил погоду не делали, так как в стране уже доминировал Гамсахурдиа. Его ультранационалистические идеи и призывы облегчали задачу тех, кто под патронажем Москвы стремился к отделению.

Фактически в конце 80-х годов на территории Грузинской ССР образовались первые региональные протопартии; они представляли собой смесь советской интеллигенции и партократии автономий. Диссидентского опыта у абхазов и осетин не было (в отличие, например, от крымских татар, которые сотрудничали с украинскими диссидентами). Они с сомнением смотрели на свои перспективы в политико-правовом пространстве независимой Грузии, хотя не совсем реалистично представляли и будущее вне Грузии.

Сегодня режимы в Сухуми и Цхинвали являются властями непризнанных республик, декларировавших независимость от Грузии. После достижения этой цели при разносторонней поддержке Москвы, в политических элитах Абхазии и Южной Осетии появились руководители военизированных формирований. В какой-то степени изменяется и политическая система. Распадается единение военного времени против общего врага (грузин), появляются оппозиционные политические группы, но для всех них самопровозглашенная республика пока является ценностью самодостаточной. Несмотря на очевидные тяготы существования в условиях политической и социально-экономической неопределенности, никто там не отваживается открыто говорить о возможности совместного проживания с грузинами в общем государстве.

Существенно иная картина наблюдается в ещё одном проблемном регионе - Аджарской автономной республике, где подавляющее большинство населения составляют этнические грузины. Длительное пребывание Аджарии в составе Османской империи не прошло бесследно; появился феномен "гурджи" (грузины-мусульмане). Во время Первой Мировой войны Россия решила было выселить аджарцев за пределы империи, тем самым исключив их из процесса собирания грузинской нации. Тогда грузинская общественность встала на защиту "мусульманской Грузии", которую закономерно считала своей неотъемлемой частью. Однако в силу специфичности периода возвращения Аджарии в лоно Грузии, равно как и позиции Турции, а затем и большевистской России, Аджария получила статус автономии в составе как независимой Грузинской демократической республики (1918-21 г.г.) так и Грузинской ССР. С тех пор тбилисская и батумская протоэлиты соблюдали между собой определенную дистанцию, хотя никому и в голову не приходило ставить под сомнение принадлежность аджарцев к грузинской нации, а Аджарии - к единой Грузии (за исключением, разве что, Москвы, которая, поддерживая пророссийского Абашидзе, не оставляла попыток разыграть карту "аджарского сепаратизма").

В начале 90-х годов авторитарный правитель Аджарии Аслан Абашидзе создал "Союз возрождения" как организацию автономной номенклатуры, которая представляла его власть в парламенте Грузии. Во время выборов местного самоуправления 1998 г. и парламента Грузии 1999 г. она выступала конкурентом-партнером шеварднадзевского "Союза граждан" в качестве лидера "оппозиционной" коалиции. На самом же деле эта линия поведения вписывалась в стратегию Абашидзе по укреплению своих позиций в автономии (и, по возможности, вне её). Начиная с 1995 года в мероприятиях, именуемых выборами, абашидзевское "Возрождение" показывает в Аджарии поистине коммунистические результаты (порядка 95% голосов); соответственно, любые другие политические группы оказались вытесненными из автономии. Шеварднадзе и Абашидзе фактически признали неприкосновенность друг друга - перманентные политико-экономические сделки на фоне иллюзорного противостояния стали формой их сосуществования. Новая конституция Аджарской автономной республики, которая периодически "обогащается" за счет отбираемых в одностороннем порядке у Тбилиси мыслимых и немислимых компетенций (при поразительной индифферентности столицы), превратила Батуми в полноправного члена четверки поли-

тико-властных центров на территории Грузии - Тбилиси, Сухуми, Цхинвали, Батуми. Впрочем, досрочный уход Шеварднадзе из власти со всей очевидностью высветил архаичность режима Абашидзе, его несовместимость с новыми реалиями в Грузии. Что самое важное, ощутили это сами жители Аджарии, отважившиеся, наконец, на открытые массовые выступления против авторитаризма.

На юге и юго-востоке страны - в регионах Джавахети и Квемо Картли, где компактно проживают соответственно армяне и азербайджанцы, этнономенклатуры не сформировались в политические организации, хотя отчуждение от Тбилиси там тоже налицо. Стратегическое партнерство Грузии и Азербайджана и социальная инертность азербайджанцев-граждан Грузии создают иллюзию мнимой стабильности в Квемо Картли. Власти Грузии до сих пор относились к населению региона как к большой избирательной урне, собирая там рекордный урожай на "выборах". Азербайджанское население никак не откликнулось на вывод российской военной базы из Вазиани. Но ликвидация российской базы в Ахалкалаки не будет беспроблемной, т.к. для значительной части армянского населения существование этой базы является основным (часто - единственным) источником дохода. В Джавахети не Тбилиси, а Москва и Ереван являются основным политическими игроками. Местные власти и парламентарии, избранные из этого региона, используют формальную лояльность к Тбилиси для усиления собственных местных кланов.

Этнономенклатуры Джавахети и Квемо Картли, не говоря уже о режиме Абашидзе в Аджарии, препятствуют демократическим реформам, созданию системы реального самоуправления. Регионализация Грузии рассматривается ими как способ превращения этих краев в собственные вотчины.

Исходя из вышесказанного, равно как и многих иных факторов, в стране так и не утвердились условия формирования политических партий, т.е. - возможности создания плюралистической политической элиты. Отчуждение от власти (центральной, региональной) переросло в отчуждение от государства. Постсоветская Грузия все ещё находится на стадии протообщества, и не может создать условий превращения политических групп в политические партии. Грузия застряла на постсоветском переходном этапе; выбор в этой стране - это выбор между харизмами, и это даже не черно-белый выбор; грузины выбирают между плохим и худшим, и не доверяют ни тому, ни

другому.

Перешедшая в постсоветский период советская элита не сможет собрать этническую и, тем более, гражданскую нацию; наоборот, она увеличивает отчуждение между народом и государством. У нас не в почете пример южноафриканца Боты или литовца Бразаускаса, решивших уйти из активной политики потому, что их прошлое помешает будущему их народов; нашего главного "партийного товарища" буквально увела под руки с политической арены его же собственная охрана (во избежание участи Милошевича или Чаушеску). Да и диссидента типа и масштаба Гавела у нас не было. Таким образом, несформированность грузинских элит предопределена историческими, социальными, психологическими и моральными аспектами. Несобранная личность, несобранная нация, несобранное государство являются проявлением несвободы; а без свободы не существует ни современное демократическое государство, ни его истинная элита.

С окончанием эпохи Шеварднадзе (с небольшими перерывами правившего республикой тридцать лет) перед грузинами встала нелегкая задача: они должны идти либо путем центральноевропейской люстрации, либо путем испанского согласия - путем "пакта Монклоа". Другой путь - это путь в никуда. Так что, если несобранная грузинская нация сможет превратиться в общество и решить проблему власти, то перед ней возникнет возможность решения более сложной задачи - сформироваться в государственную нацию.